

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

УДК 37

Л. А. Грицай

РОДИТЕЛЬСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ДОЛГ В СОЧИНЕНИИ «О ЦАРСТВИИ НЕБЕСНОМ И ВОСПИТАНИИ ЧАД» (XVII ВЕК)

Аннотация. Статья посвящена исследованию педагогических взглядов, отраженных в сочинении анонимного автора XVII века «О Царствии Небесном и воспитании чад», рассматриваемых через призму христианской антропологии и духовно-нравственной педагогической традиции: целью исследования является выявление доминирующих воспитательных установок, связанных с пониманием родительства как духовного подвига и морального долга перед Богом, раскрываемых через императивы благочестия, аскезы и абсолютного послушания. На основе текстуального и герменевтического анализа выявлены ключевые педагогические принципы, среди которых — идея ответственности родителей за судьбу души ребенка («аще кто чад своих не научит страху Божию и добродетели, тот предаст их лютому мучению»), приоритет спасения над образованием и мирскими навыками, а также функционирование родительской власти как продолжения Божьей воли. Проведен сравнительный анализ воспитательной концепции автора сочинения и представителей двух направлений педагогической мысли XVII века: грекофильского (византийско-русского) (Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский) и латинофильского (западноевропейско-гуманистического) (Симеон Полоцкий, Карион Истомирин), что позволило установить специфику православно-аскетического подхода к пониманию сути воспитания детей в семье.

Ключевые слова: родительское воспитание, XVII век, традиция, православие, христианская педагогика.

L. A. Gritsai

PARENTAL EDUCATION AS A SPIRITUAL AND MORAL DUTY IN THE WORK "ON THE KINGDOM OF HEAVEN AND THE UPBRINGING OF CHILDREN" (XVII CENTURY)

Abstract. The article is devoted to the study of pedagogical views reflected in the work of an anonymous author of the 17th century "On the Kingdom of Heaven and the upbringing of children", viewed through the prism of Christian anthropology and the spiritual and moral pedagogical tradition: the purpose of the study is to identify the dominant

educational attitudes related to the understanding of parenthood as a spiritual feat and moral duty to God, revealed through the imperatives of piety, austerities and absolute obedience. Based on textual and hermeneutic analysis, key pedagogical principles have been identified, including the idea of parental responsibility for the fate of the child's soul ("if anyone does not teach his children the fear of God and virtue, he will betray them to fierce torment"), the priority of salvation over education and worldly skills, as well as the functioning of parental authority as an extension of God's will. A comparative analysis of the educational concepts of the author of the work and representatives of two trends of pedagogical thought of the 17th century: the Grecophile (Byzantine-Russian) (Epiphanius Slavintsev, Euthymius Chudovsky) and the Latin (Western European-humanistic) (Simion Polotsky, Karion Istomin), which allowed to establish the specifics of the Orthodox ascetic approach to understanding the essence of parenting in the family.

Keywords: parental education, 17th century, tradition, Orthodoxy, Christian pedagogy.

Введение. Актуальность исследования определяется необходимостью глубокого осмысления исторических форм родительского воспитания как системы нравственных императивов, сформированных в рамках русской духовной культуры XVII века, когда происходило интенсивное взаимодействие византийско-православного наследия и новых западноевропейских влияний, при этом несмотря на обилие исследований, посвященных «Домострою» и педагогическим идеям периода реформ Петра I, период «досветского» этапа развития воспитательной мысли – в частности, сочинения назидательно-религиозного характера, – остается слабо освещенным в академической литературе, между тем именно такие тексты, как сочинение «О Царствии Небесном и воспитании чад», представляют собой важный источник для реконструкции представлений о роли родителя в деле спасения ребенка, о нравственных обязанностях семьи и религиозных основаниях воспитания.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы на основе

герменевтического анализа выявить педагогические установки, сформулированные в сочинении, и сравнить их с параллельными концепциями, представленными в наследии других известных мыслителей данного периода.

Материалы и методы. Материалом для анализа послужил текст сочинения «О Царствии Небесном и воспитании чад» в издании Е. В. Петухова [Петухов, 1893], а также сопоставительные источники: сочинения других авторов того времени; в работе были использованы методы сравнительно-исторического анализа, историко-культурного контекстуализирования, а также герменевтический подход, позволяющий реконструировать педагогические смыслы, содержащиеся в религиозно-нравственном дискурсе эпохи. Текст сочинения рассматривался как часть более широкой православной традиции, в рамках которой предназначение родителей определяется не только как социальная, но прежде всего, как духовная миссия, требующая от отца и матери активного участия в спасении души ребенка

через наставничество, аскезу и молитву.

Результаты исследования. Во второй половине XVII века, в контексте интенсивных общественно-политических, религиозных и культурных трансформаций, охвативших Русское царство в период после Смутного времени, воцарения династии Романовых и начала постепенной рецепции западноевропейских влияний, происходит заметное переосмысление прежнего воспитательного идеала, который ранее в значительной степени опирался на устойчивую систему домостроевских ценностей и норм поведения и был направлен преимущественно на поддержание иерархически выстроенной, религиозно-нравственно ориентированной модели родительского воспитания, поэтому в условиях кризиса прежних традиционных представлений о родительском воспитании детей, вызванного не только социальными сдвигами и религиозными спорами, но и растущим интересом к образованию, педагогическая мысль начинает демонстрировать стремление к концептуальному обновлению, что приводит к формированию ряда разнонаправленных педагогических парадигм, в рамках которых и складываются новые представления о сущности и целях родительского воспитания.

Анализируя полемику между представителями византийско-русского («грекофильского») и западно-ориентированного («латинофильского») педагогических направлений, можно заключить, что именно во второй половине XVII века российская педагогическая мысль приобретает

внутреннюю структурную многослойность: с одной стороны, формируется устойчивая тенденция к сохранению домостроевской воспитательной традиции, которая нашла свое отражение в многочисленных памятниках средневековой письменности: в текстах «Домостроя» и учительных сборников («Измарагд», «Златоуст», «Цветник духовный» и т. д.), с другой, – заметны попытки переосмысления византийского духовного наследия в контексте отечественной воспитательной традиции, а с третьей стороны – наблюдается обращение к гуманистическим и рационалистическим основаниям западной педагогики, в частности к идеям важности просвещения, личностного развития и сознательной нравственной ответственности ребенка за свое поведение [Грицай, 2022, с. 237–251]. Эти направления, в свою очередь, не только задают тон научным и богословским дискуссиям эпохи, но и получают литературное выражение в сочинениях крупнейших представителей русской интеллектуальной элиты, таких как Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, Симеон Полоцкий и Карион Истомирин, чьи тексты позволяют реконструировать идеологические основания новых моделей воспитания, в частности в аспекте их понимания родительского долга как духовно-нравственной обязанности, имеющей не только земное, но и эсхатологическое измерение [Гончаров, 2016, с. 63–75]. Таким образом, представления о родительском воспитании в XVII веке формируются не как единый и однозначный педагогический проект, а как поле сложной и многослойной идеологической

борьбы, в которой сталкиваются, пересекаются и взаимно обогащаются различные подходы – от строго ортодоксальных до осторожно реформаторских.

Следует также подчеркнуть, что в условиях этой идейной многополярности можно выделить как минимум четыре ведущих направления развития педагогической мысли: консервативное, ориентированное на повторение и переписывание ранее закрепленных текстов воспитательного характера; старообрядческое, настаивающее на необходимости религиозной строгости и непреложности догматических основ; византийско-русское, стремившееся к актуализации православного воспитательного идеала в духе новозаветного гуманизма и христианской любви; и, наконец, латинофильствующее, склонявшееся к восприятию западных образцов, подчеркивавшее личностное начало в процессе воспитания и актуализировавшее идею индивидуального нравственного совершенствования [Грицай, 2022, с. 240–246], именно в рамках этих направлений происходило формирование новых смыслов родительского воспитания, где оно все более рассматривалось не как механическое исполнение предписаний, но как осознанное и деятельное участие родителей в духовно-нравственном становлении ребенка, в его приобщении к вечным истинам и христианским добродетелям.

Как подчеркивает В. Б. Новичков, эта ситуация порождает особый тип педагогической преемственности, в рамках которой новые идеи формируются не в отрыве от национальной тра-

диции, а через ее внутреннюю переработку и органичное развитие, что позволяет говорить о самобытной траектории становления русского воспитательного идеала, оформившегося на стыке религиозно-нравственной и гуманистической парадигм [Новичков, 2018, с. 195–198].

На этом фоне сочинение «О царствии Небесном и воспитании чад» представляет особый интерес как текст, возникший в русле пересечения традиционного, византийско-русского и западноевропейского направлений и отражающий представления о родительском воспитании как о важнейшем духовном долге, предполагающем активное участие родителей в спасении души ребенка через его приобщение к благочестию, добродетели и страху Божию.

Изучаемое сочинение было введено в научный оборот выдающимся отечественным филологом Е. В. Петуховым (1863–1948), который в конце XIX века обнаружил данный текст в составе рукописного Синодника, хранившегося в Императорской Публичной библиотеке на 112 листах и, осознав его научную и культурную ценность, опубликовал его в 1893 году, снабдив важными текстологическими и историко-литературными комментариями, способствующими осмыслению произведения как целостного памятника духовно-нравственной и педагогической мысли XVII века [Петухов, 1893]. Благодаря исследованию Е. В. Петухова удалось установить, что сочинение состоит из трех взаимосвязанных частей, которые, несмотря на формальные жанровые различия, объединены сквозной идеей – пред-

ставлением о духовной жизни человека как пути к Царствию Небесному, в котором родительское воспитание выступает как ключевой элемент этого пути, как нравственное посредничество между временным земным бытием и вечной участью души.

Первая часть произведения (л. 70–83 об.), лишенная авторского заглавия, но тематически сосредоточенная на эсхатологической перспективе, представляет собой богословско-моралистическое рассуждение о Царствии Небесном и его превосходстве над бренной земной жизнью, в ходе которого автор, начиная с восхваления Пресвятой Троицы и христологических доктрин, развивает рассуждение о воплощении Христа, искупительной жертве и нравственной ответственности человека перед Богом, при этом активно используя приемы контрастного сопоставления вечных, совершенных благ будущего века и несовершенств, тревог и соблазнов земного существования [Петухов, 1893, с. 9–12]. Автор, находясь в русле покаянно-эсхатологического направления русской духовной литературы XVII века, призывает читателя к сосредоточенности на «едином на потребу» — размышлении о спасении души, возвышает образ жизни праведника и резко противопоставляет его суетной, греховной, «мракоземной» жизни обывателя, уводящей от пути к Небесной Отчизне, это философское и религиозное размышление сопровождается интенсивным нравственным пафосом, обращенным ко внутреннему человеку, и наполнено многочисленными цитатами из Священного Писания и творений отцов Церкви, что подтверждает принадлежность автора к

византийско-русской традиции книжного богословствования и указывает на его знакомство с идеями западноевропейских мыслителей (хотя идеи Лютера и его веру автор не принимает о чем и пишет), а также на его стремление наставлять читателя не отвлеченными тезисами, но конкретными примерами и ссылками [Петухов, 1893, с. 14–17].

Вторая часть (л. 84–86 об.), озаглавленная в рукописи как «О воспитании чад», тематически и логически продолжает первую, развивая мысль о воспитании как действенном способе, способствующем подготовке ребенка к восприятию высших духовных истин и, в конечном итоге, к вхождению в Царствие Небесное, поэтому автор, осмысляя родительское воспитание сквозь призму христианской сотериологии, подчеркивает, что главной целью просвещения является не только польза в делах житейских, хотя она и упоминается в контексте государственно-административной рациональности (так, например, родителям советуется заботиться о том, чтобы их дети стали «умными и учеными друзьями царей»), но прежде всего внутреннее устройство души, формирование страха Божия, добродетели, целомудрия и стремления к благу [Петухов, 1893, с. 18–20].

Идея о приоритете духовного над материальным проходит сквозь весь текст: «лучше свет разума детям дать, нежели злато и богатство», — утверждает автор, противопоставляя воспитание в истине стремлению к мнимому благополучию, которое не дает душе спасения, в частности, он опирается на библейские примеры — прежде всего на образ Анны, матери

пророка Самуила, посвятившей сына Богу с младенчества, – что позволяет ему формулировать идеал родительской ответственности как религиозного подвига. Подобная установка согласуется с основополагающими принципами православной педагогики, сформулированными в трудах позднейших мыслителей, но здесь она подается в ее наиболее традиционном и, вместе с тем, интенсивно эмоциональном выражении.

Третья часть сочинения (л. 87–88), обращенная к читателю и имеющая исповедально-автобиографический характер, представляет собой краткое, но насыщенное сведениями о жизни автора повествование, в котором он открывает обстоятельства своей светской службы, участия в военных походах, столкновений с церковной и административной властью, гонений и обвинений в еретичестве, а также заключения, добровольно им перенесенного ради верности собственной совести и христианскому долгу [Петухов, 1893, с. 21–23]. Этот фрагмент несет не только документальную, но и глубокую религиозно-нравственную нагрузку: он служит своего рода свидетельством личной стойкости и духовной зрелости автора, который, несмотря на испытания, остался верен своим убеждениям, отказался от мздоимства и лжи, презирал пьянство, дорожил книжным учением и стремился к «раченію любомудрыхъ»: подобный автопортрет позволяет не только реконструировать биографический контекст сочинения, но и увидеть в нем образ человека, который свою педагогическую концепцию строит не на отвлеченной теории, но

на личном нравственном опыте и собственных духовных исканиях.

Таким образом, трехчастная структура сочинения представляет собой своеобразную триаду, в которой первая часть формирует богословское основание, вторая – педагогическое приложение, а третья – личностно-нравственную иллюстрацию, вместе создавая цельную и насыщенную концепцию духовно-нравственного воспитания, в центре которой – родительский долг как религиозная обязанность, имеющая значение не только для земного благополучия ребенка, но и для его вечной участи.

Анализируя педагогические идеи, заложенные в сочинении «О Царствии Небесном и воспитании чад», нельзя не отметить, что автор этого произведения, сохраняя верность традиционному христианскому учению, формулирует свое понимание родительского воспитания как духовно-нравственного долга на стыке нескольких педагогических парадигм, в том числе традиционной, византийско-русской (новозаветной) и раннепросветительской (западноевропейской), что позволяет рассматривать данный текст как уникальное свидетельство переходного характера воспитательной мысли XVII века, поэтому выступая в качестве выразителя духовных и образовательных идеалов своего времени, автор, опираясь на тексты Священного Писания и отцов Церкви, прежде всего Иоанна Златоуста, по мысли П. Ф. Каптерева, утверждает, что главной целью родительской заботы о детях должно быть их нравственное и духовное устройство, направленное на обретение Царствия Небесного [Каптерев, 1915].

При этом в сочинении четко прослеживаются три взаимосвязанных педагогических направления: во-первых, это традиционная христианская модель, основанная на домостроевском типе мышления, где воспитание мыслится как прямая обязанность отца и матери перед Богом, поэтому автор с особой строгостью предупреждает родителей, что «отцы не радящие о своих детях во учении, лютому осуждению предаются; таковии детям своим убийцы бывают» [Петухов, 1893, с. 49], тем самым формулируя не только меру ответственности, но и метафизическую тяжесть вины за неисполненный долг, здесь воспитание предстает как форма служения, исполнение которого обуславливает не только судьбу детей, но и собственное спасение родителей; следуя в русле древнерусской патристики, автор акцентирует внимание на необходимости воспитания через наставление, личный пример и наказание, при этом указывая: «Яко же убо всяк нерадивый о том муку приемлет, и наказуйте себе и чада своя в наказании и во учении Господнем» [Петухов, 1893, с. 50].

Во-вторых, в произведении присутствует византийская новозаветная педагогическая линия, в центре которой – идея любви к Богу как основание воспитания, автор с очевидной эмоциональной вовлеченностью развивает мысль о том, что воспитание должно быть направлено не на внешний порядок, а на внутреннее преображение человека, его добровольное стремление к добродетели, покаянию, милосердию и любви, поэтому в этом контексте он пишет: «Аще пре Богом праведен будет, учения благоразумия не может сторгаться, несть бо таковому»

[Петухов, 1893, с. 50], подчеркивая вечную ценность не внешнего благополучия, но доброй совести, основанной на знании истины и жизни по заповедям. Духовное воспитание в данном случае не есть насильственное внедрение норм, а внутреннее, деятельное следование Христову пути – путь, который открывается через покаяние, молитву и «богоразумное учение».

Наконец, третьим – и наиболее примечательным с точки зрения интеллектуальной истории – является просветительский элемент, соотносимый с формами западноевропейского гуманизма, выражающийся в возвышении значения книжного учения и светлого разума как средств достижения не только земного успеха, но и вечного спасения, автор заявляет: «Учение есть благоразумие, просвещая очи средечные, опалая неистовство самохотных стремлений» [Петухов, 1893, с. 52], тем самым выстраивая параллель между светом знания и светом благодати. Подобная апология учености, сравнимой со «свечой, просвещенной от огня», которая «озаряет в храмине», представляет собой переход от аскетически-созерцательной к деятельной педагогике, где умственная культура становится формой служения Богу и людям, в духе гуманистической традиции Просвещения автор подчеркивает приоритет духовного и умственного развития над материальным благополучием: «Того ради да не убо смотрим, яко да богатыя оставим дети, но яко да добродетельны и праведны Богу представим» [Петухов, 1893, с. 50].

Рассмотрим педагогические идеи автора сочинения «О Царствии

Небесном и воспитании чад» по трем основным направлениям в виде таблицы 1.

Таблица 1

**Педагогические идеи автора сочинения
«О Царствии Небесном и воспитании чад»**

Педагогическое направление	Основные идеи автора	Цитаты из текста / Источники
Традиционные ветхозаветные (домостроевские) педагогические идеи	Родители несут личную ответственность за духовную судьбу ребенка. Воспитание – долг перед Богом, невыполнение которого приравнивается к убийству. Важнейшие методы воспитания: наставление, пример, наказание.	Отцы не радящие о своих детях во учении, лютому осуждению предаются; таковии детям своим убийцы бывають» [Петухов, 1893, с. 49]. «Яко же убо всяк нерадивый о том муку приемлет и наказуйте себе и чада своя в наказании и во учении Господнем» [Петухов, 1893, с. 50].
Новозаветные (христианский гуманизм, любовь к Богу) педагогические идеи	Воспитание направлено на внутреннее преобразование ребенка. Основа воспитания – любовь к Богу, стремление к добродетели и праведности. Жизнь праведника выше внешнего успеха.	«Аще пре Богом праведен будет, учения благоразумия не может сгораться, несть бо таковому» [Петухов, 1893, с. 50].
Просветительские (западноевропейское влияние)	Просвещение и знание – путь к добру и спасению души. Учение – свет, просвещающий разум и сердце. Богатство уступает значению духовного и умственного воспитания.	«Учение есть благоразумие, просвещающая очи средечные, опаляя неистовство самохотных стремлений» [Петухов, 1893, с. 52]. «Того ради да не убо смотрим, яко да богатыя оставим дети, но яко да добродетельны и праведны Богу представим» [Петухов, 1893, с. 50].

Таким образом, сочинение «О Царствии Небесном и воспитании чад» представляет собой сложный и многослойный текст, в котором сочетаются строгость патристической традиции, эмоциональность новозаветного благочестия и рационализм зарождающегося просветительского мышления: подобное соединение является признаком того, что к концу XVII века в России уже начала оформляться собственная, самобытная педагогическая парадигма, в которой идеалы общественного блага и индивиду-

ального спасения находились в сложной, но органичной связи, сочинение, таким образом, не только отражает синтез трех педагогических направлений, но и задает перспективу дальнейшего развития русской воспитательной традиции, в которой просвещение и духовность не противопоставляются, но взаимно подкрепляют друг друга.

Сравнительный анализ педагогических взглядов, представленных в сочинении «О Царствии Небесном и воспитании чад», с идеями других па-

мятников духовно-нравственной литературы XVII века позволяет более полно раскрыть как идейную природу рассматриваемого текста, так и его место в системе педагогических представлений эпохи, находящейся на границе между традиционной патристической ортодоксией и ранними формами просветительского мировоззрения, при этом следует отметить, что автор сочинения, с одной стороны, продолжает линию византийско-русской педагогической традиции, близкую к мировоззрению таких мыслителей, как Епифаний Славинецкий и Евфимий Чудовский, а с другой – демонстрирует интерес к более рационалистическим основаниям воспитания, опираясь на идеи книжного просвещения, что сближает его с представителями латинофильского направления.

Прежде всего, обращает на себя внимание некоторое сходство «О Царствии Небесном и воспитании чад» с назидательной поэмой «Наказание от некоего отца к сыну своему, дабы он подвизался о добрых делах выну», где в поэтической форме излагаются те же идеи духовной чистоты, послушания родителям, стремления к добродетели и спасению души через соблюдение Божьих заповедей, так, наставления отца в этом произведении содержат требования к сыну соблюдать телесную и душевную чистоту, избегать пороков, регулярно посещать церковь, слушать Слово Божие и помышлять о Царствии Небесном: «И Царство Небесное во уме своем помышляти» [Наказание от некоего отца к сыну, 1934]. Подобно этому, в рассматриваемом трактате автор прямо указывает, что забота родителей должна

быть направлена на то, чтобы «чада праведны Богу представить», а не просто обеспечить их богатством [Петухов, 1893, с. 50], и призывает к духовному воспитанию как к форме жертвенной любви и ответственности, утверждая: «Отцы, не радящие о своих детях во учении, лютому осуждению предаются» [Петухов, 1893, с. 49].

Эти идеи во многом корреспондируют с воззрениями представителей византийско-русского направления, в частности Епифания Славинецкого, который в своих «Словах» настойчиво проповедует необходимость вывода народа из мрака невежества через просвещение, при этом связывая это дело не только с религиозной обязанностью, но и с социальной ответственностью властей: «Эти мысленные совы, ненавистники науки, скроются в любимый ими мрак... да воссияет свет науки и просвещает природный человеческий разум» [Блинов, 2001, с. 121]. Славинецкий, как и автор «О Царствии Небесном...», подчеркивает значение личного примера родителей: «Будь (для детей и рабов) таков, каким хочешь, чтобы был для тебя владыка» [История педагогики, 2011, с. 288], при этом его сочинение «Гражданство обычаев детских», созданное в форме катехизиса, совмещает нравоучения, правила поведения и указания по развитию ума, что сближает его с рассматриваемым трактатом, где также сочетаются традиционное религиозное наставление и элементы педагогического рационализма [Грицай, 2024, с. 67].

В свою очередь, Евфимий Чудовский, следуя идеям своего учителя,

также утверждает приоритет духовного над материальным и критикует излишнее баловство детей, настаивая на воспитании их через смирение, послушание и приобщение к Слову Божию: «Матери прелестницы детищи прельщают... пенязи дают» [Буш, 1918], его отрицание латинского просветительства как «новомышленного и лживого» также находит отголосок в осторожности, с которой в сочинении «О Царствии Небесном...» трактуется книжное учение: хотя оно и признается «благоразумием, просвещающим очи сердечные» [Петухов, 1893, с. 52], его смысл строго ограничен задачей подготовки человека к Царствию Божию, а не мирскому успеху, поэтому, как отмечает Н. В. Пуминова, для Чудовского любое знание, не ведущее к смирению и покаянию, становится источником прелести, и эта установка явно отражается и в анализируемом тексте [Пуминова, 2013, с. 74].

Таким образом, идеи сочинения «О Царствии Небесном и воспитании чад» во многом соотносятся с греко-фильским направлением: автор разделяет установку на духовно-нравственное совершенствование ребенка, подчеркивает значение примера, строго осуждает нерадение родителей и возвеличивает послушание, однако в отличие от Славинецкого и Чудовского, автор трактата в большей степени акцентирует внимание на роли просвещения, что приближает его к западноевропейским педагогическим концептам и предваряет идеи, более ярко выраженные позднее в сочинениях Симеона Полоцкого и Кариона Истомина, именно это напряженное сочетание византийской ортодоксии с идеей

духовного просвещения делает сочинение уникальным явлением в духовной педагогике XVII века. Например, в трактате «О Царствии Небесном...» воспитание ребенка мыслится исключительно как духовно-нравственный долг родителей перед Богом, подчиненный исключительно идее спасения души: «аще кто чад своих не научит страху Божию и добродетели, тот предаст их лютому мучению...» [Петухов, 1893, с. 49], – и именно в этом автор видит подлинный смысл отцовства и материнства, родители, согласно тексту, ответственны не только за нравственный облик ребенка в земной жизни, но и за его участь в вечности, при этом всякая мирская забота – о здоровье, богатстве, славе и даже грамотности – рассматривается как вторичная, если она не ведет к достижению Царствия Небесного.

В то же время в произведениях Симеона Полоцкого мы наблюдаем отчетливое смещение акцента с исключительно религиозной мотивации на синтез духовно-нравственного и личностно-практического воспитания, что отражает влияние западноевропейской просветительской педагогики, прежде всего модели «разумного обучения и воспитания» Я. А. Коменского, так, в «Вертограде многоцветном» Полоцкий говорит о необходимости обучения детей как обязательной составляющей формирования «приятного» человека: «Яко же любезни суть прекраснии цветы, так научени всем приятни дети» [Антология пед. мысли, 1985, с. 334], – подчеркивая тем самым, что воспитание включает в себя как развитие нравственности, так и эстетического, интеллектуального начала, эта установка

на образовательный элемент воспитания, вытекающая из веры в способность человека к самосовершенствованию, принципиально отличает Симеона от автора «О Царствии Небесном...», для которого всякое знание имеет лишь инструментальное значение, будучи допустимо лишь постольку, поскольку способствует духовному очищению.

Особое значение у Симеона Полоцкого приобретает идея ответственности самого ребенка за судьбу своей души, что ярко проявляется в его стихотворении «Честь», где утверждается невозможность автоматического переноса заслуг родителей на детей: «Родителей на сына честь не прехождает, аще добродетей их не подражает» [Антология пед. мысли, 1985, с. 335]: эта мысль о самостоятельной нравственной личности, способной к выбору, роднит Полоцкого с идеями гуманистической педагогики Запада, в которой понятие «личной свободы» начинает вытеснять идею абсолютного послушания. Напротив, в сочинении «О Царствии Небесном...» приоритет отдается модели безусловного подчинения родительской власти, поскольку в глазах автора родитель выступает как прямой представитель Божьей воли на земле.

Если Симеон Полоцкий, подражая западным образцам, особенно латинским наставлениям морали, вводит элементы возрастной педагогики, разграничивает этапы обучения и осмысленно формирует образ «совершенного человека» как результат комплексного воспитательного процесса [Антология пед. мысли, 1985, с. 137], то в сочинении «О Царствии Небес-

ном...» подобной структуры нет: автор сосредотачивает внимание на единственной цели – спасении души и достижения Царствия Небесного – и отказывает воспитанию в светском, социальном или политико-государственном назначении, следовательно, если Полоцкий говорит о человеке как об «образе и подобии Божиим, способном к восприятию наук» [Морозов, 1982, с. 172], то автор трактата воспринимает человека как немощное существо, нуждающееся в постоянном духовном надзоре и покаянии.

Карион Истомина, в отличие от своего наставника Симеона Полоцкого, еще более явно демонстрирует приверженность идеям западноевропейского гуманизма, особенно в отношении к детской природе, в которой он видит не источник греха, как это следует из ветхозаветной педагогической традиции, а потенциал к развитию через образование и добродетельный пример, поэтому его «Букварь», свободный от назидательной назидательности и пропитан идеей «учения через наглядность», говорит о попытке создать совершенно новую модель педагогического взаимодействия, построенную не на страхе наказания, а на уважении к индивидуальным возможностям ребенка [Демков, 1899, с. 74]. В то время как автор «О Царствии Небесном...» мыслит воспитание как почти насильственное приобщение к истине («аще не наказуеши, погибнет» [Петухов, 1893, с. 48]), Истомина предлагает путь убеждения и нравственного внушения, исходящего из христианской любви и педагогического разума: «Науку и страх в должности имели» [Демков, 1899, с. 75].

Кроме того, как указывает Л. А. Черная, Карион Истомина одним из первых предлагает целостное представление о формировании личности ребенка как единства знания, страха Божия и труда [Черная, 1989, с. 223], – и в этом отношении его взгляды полностью совпадают с основными принципами педагогики Я. А. Коменского, а также перекликаются с наставлениями Эразма Роттердамского, произведения которого Истомина не только знал, но и переводил, напротив, в сочинении «О Царствии Небесном...» просвещение трактуется скорее как средство ограждения от ереси, а не как цель воспитания: здесь мы не находим рассуждений о значении разума, чувства, способности к нравственному выбору – все подчинено идее подвига, духовного страха и личной аскезы.

Таким образом, сопоставление «О Царствии Небесном...» с произведениями Симеона Полоцкого и Кариона Истомина выявляет две различные педагогические парадигмы: первая, представленная в рассматриваемом сочинении, является выражением православно-аскетического мировоззрения, где воспитание – это прежде всего духовное окормление ребенка, направленное на его подготовку к Страшному суду, вторая же, восходящая к западноевропейской гуманистической традиции, выражает веру в возможности человека и значение просвещения как средства личностного становления и общественного служения. Педагогика Полоцкого и Истомина по сути своей стремится преодолеть домостроевскую модель воспитания, вводя в культурное сознание нового времени идею личности как активного субъекта образования, в то время как в

трактате «О Царствии Небесном...» ребенок предстает, прежде всего, как объект духовной ответственности родителей и церковной общины, пассивно принимающий нравственные ориентиры, транслируемые через страх, покаяние и смирение.

Также следует заметить, что анализируя сочинение «О Царствии Небесном и воспитании чад» сквозь призму его авторской интенции и характерных идейных установок, трудно не заметить, что перед нами текст, по стилю, содержанию и мировоззренческому напряжению, явно принадлежащий перу не просто монаха, но личности образованной и интеллектуально независимой, способной к богословскому синтезу, социальной критике и глубокому саморефлексивному курсу, именно это обстоятельство побудило Е. В. Петухова выдвинуть гипотезу об авторстве князя Ивана Андреевича Хворостинина – видного государственного деятеля начала XVII века, вольнодумца и писателя, судьба которого была тесно связана с ключевыми политико-религиозными противоречиями эпохи [Петухов, 1893, с. 6–8].

Если допустить, что сочинение действительно написано князем Хворостининым в период его заточения в монастыре по приказу патриарха Филарета и царя Михаила Федоровича (в 1622 или 1623 году), то многие черты текста находят в этом биографическом контексте убедительное объяснение: в частности, просветительская устремленность автора, его определенная свобода в формулировке богословских суждений, склонность к латинско-греческим синтезам и даже – почти пуб-

лицеистическая откровенность в третьей части, где он открыто и с болью пишет о собственных страданиях, притеснениях, клеветах и несправедливых обвинениях, что в своей исповедальности сближает этот текст с «Житием» протопопа Аввакума.

Действительно, личность автора, как можно заключить из его собственных слов, незаурядна: он упоминает о своем военном прошлом («в ратях бывал»), политической службе («верно служил своим владыкам»), обличении невежества властей и церковников, притом подчеркивает, что был чужд «лстивства» и «корысти», имел богатство, но не обращал его во зло, и, наконец, в зрелом возрасте обратился к книжному учению, подчеркивая свою природную склонность к «рачению любомудрых» [Петухов, 1893, с. 23]. В совокупности эти черты удивительным образом перекликаются с биографией И. А. Хворостинина – блестящего воеводы, бывшего при Лжедмитрии I, публично глумящегося над церковными установлениями, за что неоднократно подвергавшегося ссылке и, по свидетельствам, имевшего опыт общения как с польскими католиками, так и с протестантами [Половцев, 1904, с. 289–290].

Более того, стилистика сочинения – богатая цитатами из отцов Церкви, прежде всего Иоанна Златоуста, но также содержащая ясные элементы западноевропейской учености (например, представление о «богоразумии учения» и «просвещении очей сердечных» как свете разума) – прямо свидетельствует о знакомстве автора с корпусом как византийской, так и латинской книжной традиции, поэтому Пастухов, опираясь на текстуальный

анализ, отмечает, что сочинение «насыщено цитатами и идеями, явно заимствованными не только из греческих, но и латинских авторов» [Петухов, 1893, с. 14], что подтверждает гипотезу о принадлежности его перу образованного и внутренне сложного человека, не ограниченного монастырским кругозором, этот внутренний универсализм делает произведение не просто очередным дидактическим сочинением, а выразителем своеобразного педагогического синтеза, сочетающего православную строгость, гуманистическое милосердие и уважение к силе знания.

Наконец, нельзя не заметить, что фигура предполагаемого автора – человека, который, будучи обвинен в ереси, пережил тюремное заключение и духовный кризис, но в итоге принял монашество и оставил после себя глубокий духовно-нравственный текст – соответствует драматической структуре сочинения, где обретение Царствия Небесного связывается с личным подвигом, страданием, покаянием и сознательным служением ближнему, однако, несмотря на убедительность данной гипотезы, достоверно установить авторство невозможно: отсутствие точных атрибуций, автографа, прямых упоминаний имени или места написания делает все выводы предположительными.

Тем не менее, размышление о личности автора не является второстепенным: напротив, оно открывает важнейший аспект интерпретации текста, позволяя лучше понять напряженную духовную атмосферу XVII века, в которой педагогика, богословие и личный опыт страдания сплетаются в единую ткань нравственного наставления

– столь же актуального тогда, как и сегодня.

Обсуждение результатов. Анализ сочинения «О Царствии Небесном и воспитании чад» позволяет заключить, что в педагогическом дискурсе XVII века родительское воспитание мыслилось не как утилитарная задача по подготовке ребенка к социальной жизни, но как глубоко религиозный, онтологически значимый долг перед Богом, нарушение которого влекло за собой не только разрушение семейного порядка, но и вечное осуждение, поэтому автор трактата, опираясь на традиции христианского мировидения, утверждает, что всякий родитель, не научивший своего ребенка страху Божию и добродетели, становится по сути его «душевному убийцей»: «Отцы нерадящие о своих детях во учении... детям своим убийцы бывают» [Петухов, 1893, с. 49]; воспитание, согласно данной логике, должно осуществляться не только словом, но и делом, молитвой, примером, покаянием, т. е. восприниматься как путь соработничества с Божественной волей.

Сравнение с другими авторами той эпохи позволяет более рельефно выявить специфику представлений о духовно-нравственном родительском долге, так, в стихотворении «Наказание от некоего отца к сыну своему» воспитание также предстает как непреложная обязанность родителей, продиктованная не просто любовью, но духовным страхом, стремлением оградить ребенка от греха и направить к добродетельной жизни: «Да не будешь слыти никоторыми пороки... И Царство Небесное во уме своем помышляти» [Наказание..., 1934].

Епифаний Славинецкий, действуя в рамках византийской новозаветной педагогической традиции, подчеркивает значимость родительского примера и необходимости дать детям «знание, спасающее душу», указывая, что «образ твой да будет детям как зеркало благонравия» [История педагогики, 2011, с. 288], его ученик Евфимий Чудовский разделяет эту позицию, акцентируя внимание на том, что «воспитание должно быть духовным подвигом родителей, равно как и детей» [Буш, 1918]. В отличие от них, представители «латинофильского» направления Симеон Полоцкий и Карин Истомин, рассматривают родительский долг шире, включая в него просветительскую, образовательно-гуманистическую составляющую: они утверждают идею природосообразного воспитания, значение личной ответственности ребенка и постепенного освобождения его воли, так, Полоцкий считает, что «родителей на сына честь не прехождает, аще добродетей их не подражает» [Антология пед. мысли, 1985, с. 335], а Истомин, следуя западноевропейским образцам, подчеркивает важность обучения как формы воспитания: «Учися ныне, прилежно учися...» [Демков, 1899, с. 74].

Таким образом, автор трактата «О Царствии Небесном...» остается в русле традиционной православной педагогики, в которой родительство мыслится как священное дело – личное соработничество со Христом в деле спасения души ребенка, тогда как в сочинениях латинофильских авторов акцент все чаще смещается с сакрального на рационально-гуманистический аспект воспитания (таблица 2).

Таблица 2

Понимание родительского воспитания как духовно-нравственного долга

Автор / Источник	Содержание родительского долга	Цитаты / Ссылки
Анонимный автор сочинения «О Царствии Небесном...»	Родитель – соучастник в деле спасения души ребенка; воспитание – долг перед Богом; неисполнение – духовное убийство	«Отцы... детям своим убийцы бывают» [Петухов, 1893, с. 49]
Автор «Наказания от некоего отца...»	Родитель – нравственный наставник; воспитание через запреты, призывы к скромности, молитве, почитанию родителей	«Да не будеши слыти некоторыми пороки...» [Наказание..., 1934]
Епифаний Славинецкий	Родитель должен быть нравственным примером; воспитание как просвещение во Христе; религиозное наставничество.	«Будь (для детей)... каков хочешь видеть владыку» [История педагогики, 2011, с. 288]
Евфимий Чудовский	Воспитание – соработничество в духовном делании; цель – стяжание добродетели и знаний; отвержение латинского рационализма	«Делом того людие сами подражайте...» [Буш, 1918]
Симеон Полоцкий	Воспитание – синтез традиции и гуманизма; упор на примере, обучении, наказании, любви как добродетели	«Родителей на сына честь не прехождает...» [Антология пед. мысли, 1985, с. 335]
Карион Истомин	Воспитание – путь к просвещению; акцент на науке, обучении, дисциплине, важности разумного труда.	«Учися ныне, прилежно учися...» [Демков, 1899, с. 74]

В результате проведенного анализа текста сочинения «О царствии Небесном и воспитании чад» получено обоснование того, что родительское воспитание в трактате рассматривается в исключительно духовно-нравственной парадигме, при этом акцент переносится с внешнего контроля за поведением ребенка на внутреннюю, сердечную ответственность родителя за спасение души своего чада: в данном памятнике автор не мыслит воспитание в категориях нравовучения, а выстраивает его как форму богослужебного подвига, в которой каждое действие родителя – будь то словесное наставление, молитва, личный пример или наказание – получает сакральное измерение, при этом основной педагогический императив трактата выражается в требовании

нести перед Богом полную ответственность за душевное состояние и нравственное становление ребенка.

Следовательно, сочинение репрезентирует христианскую концепцию воспитания, в которой высшая цель жизни и детского развития заключается в стяжании Царствия Небесного, а не в обретении мирских знаний или социального статуса, при этом сравнительный анализ с произведениями Епифания Славинецкого, Евфимия Чудовского, Симеона Полоцкого, Кариона Истомина и анонимного автора стихотворения «Наказание от некоего отца к сыну» позволил установить, что, несмотря на единство христианской парадигмы, внутри нее прослеживаются две различные концептуальные линии – византийско-русская (Славинецкий, Чудовский, а

также анонимные авторы назидательных текстов) и западноевропейско-гуманистическая (Полоцкий, Истомина), различающиеся как в понимании целей воспитания, так и в трактовке роли родителя.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Родительское воспитание в трактате «О царствии Небесном и воспитании чад» осмысливается как духовное делание, непосредственно связанное с ответственностью за спасение души ребенка и требующее от родителя подвига внутреннего самостроительства.

2. Автор сочинения исходит из тезиса о том, что безнравственное поведение детей является виной родителей, не исполнивших своего духовного долга, а не результатом врожденных свойств личности или случайных обстоятельств.

3. Воспитание в сочинении мыслится как богословски обоснованное служение, в котором родитель выступает не только как наставник, но и как соучастник Божественного замысла о человеке.

4. Сравнение с педагогическими позициями представителей византийско-русского направления (Е. Славинецкий, Е. Чудовский) позволяет зафиксировать общность богословской базы и понимания воспитания как аскетического труда, осуществляемого ради спасения души ребенка.

5. В противоположность этому, анализ сочинений С. Полоцкого и К. Истомина демонстрирует смещение акцента с сакральной ответственности родителя на просветительскую, педагогически рационализированную про-

грамму, сочетающую элементы традиционного наставничества с идеалами гуманистического просвещения.

6. Родительская ответственность в текстах представителей латинофильского направления рассматривается как педагогическая компетенция, тогда как в трактате «О царствии Небесном и воспитании чад» – как акт духовной воли и религиозного самоотвержения.

Заключение. Полученные результаты создают основу для дальнейшего изучения традиционных христианских концепций воспитания как в контексте религиозно-педагогических практик XVII века, так и в рамках современного педагогического дискурса, интересующегося метафизическими основаниями родительской ответственности, поэтому будущие исследования могут быть направлены на более широкую сравнительную характеристику восточнохристианского и западного педагогического мышления, в том числе с привлечением новых, ранее не введенных в научный оборот текстов, а также на осмысление возможностей реинтерпретации духовно-нравственного долга родителя в современных условиях.

Список литературы

1. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV – XVII вв. / сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюрков. – Москва : Педагогика, 1985. – 363 с. – Текст : непосредственный.

2. Блинов, В. И. Развитие теории и практики образования в России XVIII – начала XX века под влиянием изменений ценностных ориентаций, представлений об идеале человека и

целях его воспитания : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук : / Блинов Владимир Игоревич; Московский педагогический государственный университет – Москва, 2001. – 260 с. – Текст : непосредственный.

3. Буш, В. В. Памятники старинного русского воспитания / В. В. Буш. – Текст : непосредственный // К истории древнерусской письменности и культуры. – Пг., 1918. – С. 33–57.

4. Гончаров, М. А. Православно-педагогические идеи в образовании и воспитании в России накануне XVIII века (по материалам устного творчества и древнерусских произведений) / М. А. Гончаров. – Текст : непосредственный. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2016. – № 2(41). – С. 63–75.

5. Грицай, Л. А. Обоснование основ отечественного воспитания и образования в трудах Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского / Л. А. Грицай. – Текст : непосредственный // Образование и педагогические кадры в современном мире : Материалы национальной научно-практической конференции, Рязань, 26 октября 2023 года. – Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2024. – С. 66–71.

6. Грицай, Л. А. Полемика "грекофилов" и "латинофилов" о сути воспитания детей в семье во второй половине XVII века / Л. А. Грицай. – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный

научный журнал. – 2022. – № 2(42). – С. 237–251.

7. Демков, М. И. История русской педагогики / М.И. Демков. – СПб : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. – Ч. 1. Древнерусская педагогика. – 328 с. – Текст : непосредственный.

8. История педагогики и образования: учебное пособие / З. И. Васильева и др. ; под ред. З. И. Васильевой. – 6-е изд., перераб. – Москва : Академия, 2011. – 428 с. – Текст : непосредственный.

9. Каптерев, П. Ф. История русской педагогики / П. Ф. Каптерев. – Пг. : Земля, 1915. – 746 с. – Текст : непосредственный.

10. Морозов, А. А. Симеон Полоцкий и проблемы восточнославянского барокко / А. А. Морозов. – Текст : непосредственный // Барокко в славянских культурах. – Москва : Наука, 1982. – С. 170–190.

11. Наказание от некоего отца к сыну своему дабы он подвизался о добрых делах выну // Труды отдела древнерус. литер.: Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. – Ленинград, 1934. – С. 17–28. – Текст : непосредственный.

12. Новичков, В. Б. Народные традиции семейного воспитания в произведениях нравоучительной и учебной литературы XVI–XVIII вв. / В. Б. Новичков. – Текст : непосредственный. // Наука и школа. – 2018. – № 5. – С. 195–198.

13. Петухов, Е. В. Из истории русской литературы XVII века : сочинение о царствии небесном и о воспитании чад / сообщение Е. В. Петухова. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1893. – 56 с. – Текст : непосредственный.

14. Половцев, А. А. Русский биографический словарь / А. А. Половцев. – Текст : непосредственный. – Т. 21. – СПб. Изд. Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1913. – С. 289–290.

15. Пуминова, Н. В. Критика силлогистики и «внешней мудрости» в Московской Руси во второй половине XVII в. / Н. В. Пуминова. – Текст : непосредственный // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2013. – № 11 (112). – С. 72–80.

16. Черная, Л. А. Концепция личности в русской литературе второй половины XVII – первой половине XVIII вв. / Л. А. Черная. – Текст : непосредственный // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII - начала XVIII века. – Москва : Наука, 1989. – С. 220–232.